

УДК 94(47).084.6

Иевлева Ольга Ивановна

кандидат исторических наук,
Калужский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
доцент кафедры государственного и
муниципального управления
e-mail: ievleva@klg.ranepa.ru

Майорова Наталья Олеговна

кандидат исторических наук,
Калужский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления
e-mail mao956@mail.ru

Никитина Наталья Никитична

кандидат исторических наук
Калужская духовная семинария
доцент каф. исторических и
церковно-практических дисциплин
e-mail: nikay85@yandex.ru

Ievleva Olga Ivanovna

Candidate of Historical Sciences,
Kaluga branch of the Russian Academy of National Economy and
Public Administration,
Associate Professor of the Department of State and Municipal
Administration
e-mail: ievleva@klg.ranepa.ru

Mayorova Natalya Olegovna

Candidate of Historical Sciences,
Kaluga branch of the Russian Academy of National Economy and
Public Administration,
Associate Professor of the Department of State and Municipal
Administration
e-mail: mao956@mail.ru

Nikitina Natalia Nikitichna

Candidate of Historical Sciences,
Kaluga Theological Seminary
Associate Professor of the department historical
and church-practical disciplines
e-mail: nikay85@yandex.ru

**ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ
НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ
В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ**

**CHURCH AND AUTHORITY
ON KALUGA LAND DURING COLLECTIVIZATION**

Аннотация. В статье исследуется государственная и партийная политика СССР по отношению к Церкви в период перехода к сплошной коллективизации (конец 1929 — первая половина 1930 г.). Главным образом, ее реализация на местах — на примере Сухиничского округа Западной области. Авторами, в частности, отмечается противоречивость действий низовых руководителей, чей уровень не всегда соответствовал сложности стоявших перед ними задач.

Abstract. The article examines the state and party policy of the USSR in relation to the church during the transition to complete collectivization (late 1929 — first half of 1930). Mainly its implementation on the ground, using the example of the Sukhinichi district of the Western region. The authors, in particular, note the

inconsistency of the actions of grassroots leaders, whose level did not always correspond to the complexity of the tasks facing them.

Ключевые слова: коллективизация, Церковь, закрытие церквей, священник, крестьянин, колхоз.

Key words: collectivization, church, closing of churches, priest, peasant, collective farm.

Изучение взаимоотношений Церкви, государства и общества в СССР активно ведется в последние десятилетия, но при этом сохраняет свою актуальность. Далеко не все источники по этой проблематике исследованы, особенно это касается материалов региональных архивов, благодаря которым складывается полная картина событий. Данная статья основана на архивных материалах из некоторых округов Калужского края, прежде всего Сухиничского и Боровского. Документы из фондов Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) позволяют рассмотреть вопрос о том, как в этих местах проходила коллективизация и каким образом Русская Православная Церковь оказалась вовлечена в этот процесс.

План ускоренной коллективизации был разработан на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 году. Коренной переворот в деревне было решено осуществить в кратчайшие сроки. В связи с этим пятого января 1930 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое закрепило переход к сплошной коллективизации [12, с. 72–75].

Подробности политики раскулачивания излагались в секретном постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно этому постановлению, людей, определяемых как кулаков, следовало делить на три категории — в зависимости от отношения с властями, имущественного положения, наличия сельскохозяйственной техники и использования наемного труда.

Принадлежность к первой категории влекла за собой отправку на исправительные работы в лагерях ОГПУ, а в случае сопротивления — расстрел. Кулаков второй категории ждала ссылка вместе с семьями в отдаленные регионы страны. Кулаки третьей категории могли оставаться в родных краях, но жить и трудиться они должны были на специально выделенных им участках земли — вне колхозных угодий [19, с. 126–130].

Отметим, что принятие конкретных решений — кого к какой категории отнести — не могло опираться на бесспорные критерии, поскольку их, по сути, не было. Так, по данным В. Овчинникова, основанием для обвинения жителя боровского села Рябушки И. С. Зеленцова в кулачестве было то, что он до 1917 года «эксплуатировал одну беднячку» [15]. Нечеткость критериев, как отмечают в своей статье Н. Н. Никитина и И. П. Петрова, осознавалась в высших партийных и советских кругах, где не раз высказывались опасения, что в кулаках могли оказаться и широкие слои середняков, отнюдь не враждебных советской власти [14, с. 90–91]. Центральные партийные и советские органы фактически предложили отдать решение вопроса на волю местных властей, которые «прекрасно знают, кто у них кто» [18, с. 92]. Такая политика ставила людей в зависимость от местного начальства, открывая широкую дорогу произволу, сведению личных счетов, да и просто некомпетентности.

Решая судьбу кулаков, секретное постановление не обошло вниманием и Церковь. Духовенство, по представлениям центральной власти, наверняка станет поддерживать кулаков и мешать коллективизации. Недаром при определении принадлежности к кулачеству фактор религиозности часто имел решающее значение [14, с. 94]. Стало быть, с Церковью следовало разобраться заранее, до начала сплошной коллективизации. Оргбюро ЦК поручалось «дать директиву по вопросу о закрытии церквей на местах» [19, с. 126–130].

26 января 1930 г. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР изменила порядок принятия решений о

закрытии церквей. Отныне окончательное решение о ликвидации молитвенного здания принимали краевые и областные исполкомы, а верующие получили лишь право обжаловать их решения в Комиссию по вопросам культов [1, с. 57, 80–81].

Теперь следовало воплотить эти решения в жизнь. Основная работа проводилась местными партийными и комсомольскими активистами, которые действовали подчас с выдумкой и размахом.

Так, в Юхновском районе Сухиничского округа эту задачу взяли на себя комсомолец Смирнов и член партии Боков. По их инициативе сельский совет принял постановление о закрытии церкви — что и было сделано Юхновским РИК без согласования с окружным исполнительным комитетом. В тот же день Боков и Смирнов устроили представление: «зажгли свечи, нарядились в поповское облачение и устроили танцы в церкви, предложили колхозникам под страхом штрафа немедленно снять иконы в своих домах» [7, л. 23].

Похожим образом вели себя и активисты Гошененков и Коновалихин в селе Хотьково Думиничского района. Решение о закрытии церкви было принято Хотьковским сельсоветом, который не согласовал его с райисполкомом и вышестоящими органами. Случилось это седьмого февраля, а через день активисты сняли церковные колокола, «за что получили от Хотьковского завода 10 рублей зарплаты из культурно-просветительного фонда». Этим дело не закончилось: Гошененков разгромил церковный престол, разбросал Евангелия и выпил вино, предназначенное для причастия. Разгневанные сельчане, прежде всего женщины в количестве трехсот человек, потребовали срочно созвать собрание и распустить колхоз [8, л. 81]. Результатом скандала стали заявления от шестидесяти крестьянских хозяйств о выходе из колхоза [7, л. 23].

Церковные здания использовали для разных нужд, чаще всего — как зернохранилища, которых не хватало во вновь создаваемых колхозах. Решения на этот счет часто принимались единолично. В сообщении начальника Сухиничского

окружного отделения ОГПУ Я. М. Силина рассказывается об инциденте в селе Городечни. 20 февраля 1930 г. член Всходского РИКа Шеленков распорядился устроить в церкви ссыпной пункт для зерна. Туда привезли весы с мельницы и 54 килограмма овса. Но тут вмешались местные женщины — сто человек. Под их напором от идеи пришлось отказаться — для ссыпного пункта нашли другое помещение, но церковь осталась закрытой [5, л. 58].

Такие случаи, как свидетельствуют архивные материалы, были далеко не единичны, отмечаясь практически во всех районах Сухиничского округа.

Окружным властям приходилось принимать меры. В районы посылались многочисленные распоряжения «об устранении на местах безобразий с закрытием церквей, снятием колоколов и сжиганием икон». Помогали они не слишком — к началу марта 1930 года Сухиничский округ занимал первое место по количеству этих самых безобразий [3, л. 11].

Тогда окружком ВКП(б) и окрисполком взялись за дело всерьез. В Юхнове секретарь райкома был снят с работы и предан суду. Под суд отправились и другие советские и партийные работники в Милятино, Думиничах и других районах, по чьей инициативе закрывались церкви, сжигались иконы и устраивались хулиганские выходки [3, л. 11].

Делалось это, конечно, не из желания окружных властей поберечь религиозные чувства сухиничских крестьян. Эти конфликты отвращали людей от новой жизни, снижая показатели колхозного строительства, чего никак нельзя было допустить.

Но и директиву о закрытии церквей надо было выполнять.

Напомним, что это было время торжества воинствующего атеизма. Религиозное мировоззрение, несовместимое с марксистской идеологией, считалось совершенно неприемлемым для советского человека. Понятно, что местные власти часто и мысли не допускали, что колхозник может держать дома иконы, ходить в церковь и соблюдать религиозные обряды и праздники. Хулиганство, глумление и вандализм являлись, по

сути, формой атеистической пропаганды и носили политический характер [11, с. 54–55].

Весной 1930 г. кампания по закрытию церквей в Сухиничском округе, как и сопутствовавшие ей «безобразия», развернулась с новой силой [9, л. 17].

В селе Ново-Успенском Юхновского района отметился комсомолец Смирнов, сын бывшего подрядчика, исключенного из партии за пьянство. По его инициативе в церкви были устроены танцы. Активисты ходили по селу под звон колоколов в священническом облачении, размахивая кадилом. А потом забрались в склеп, где были похоронены бывшие помещики, «вытащили из гробов забальзамированные тела и палкой прокололи живот» [цит. по 10, с. 77–78].

В Щелковском сельсовете того же района другой комсомолец устроил стрельбу по иконам, которые снабдил надписями: «святого приговариваем к расстрелу за сопротивление колхозному строительству» [11, с. 54–55].

В Барятинском районе изъятые у колхозников иконы топором вырубали из металлических риз, которые можно было сдать в утильсырье. «Не успели организовать колхоз, — говорили крестьяне, — а вы уже иконы топором рубите». Колхоз оказался на грани развала [10, с. 78].

Политика насильственной коллективизации вкупе с антирелигиозной деятельностью рушила как экономические, так и нравственные устои крестьянства, подрывала вековые традиции. Неудивительно, что, несмотря на все усилия властей, темпы коллективизации в округе в 1930 году никак не хотели расти. Крестьяне массово писали заявления о выходе из только что образованных колхозов. Если в конце февраля 1930 года в Козельском, Спас-Деменском, Плохинском, Сухиничском, Мещовском, Барятинском районах округа коллективизацией было охвачено 40–50 процентов крестьянских хозяйств [4, л. 39], то к 20 марта этот процент упал до 15, а к 10 апреля — и вовсе до 5,2 [6, л. 15]. Конечно, такая динамика во многом связана с публикацией 2 марта 1930 года известной статьи

И. В. Сталина «Головокружение от успехов», но первопричиной ее — как и самой статьи — была ситуация на местах.

В попытках исправить положение партийные и советские органы районов и округа вновь и вновь шли на компромисс. В конце апреля 1930 года Сухиничская окружная прокуратура провела проверку в пяти районах, отчет о которой ярко отражает эти метания. Было установлено, что тридцать три церкви оказались незаконно закрыты, однако двенадцать из них перед самой проверкой открылись. В двух селах с колоколен были сняты колокола, при этом в одном (упомянутом выше Хотьково) их вернули. В Спас-Деменском районе были закрыты все тринадцать имевшихся там церквей, но одиннадцать открылись перед проверкой. Отметим, что жители этого района подали более пятидесяти жалоб и просьб об открытии церквей. Просьбы эти переправлялись уполномоченному ОГПУ, а затем и в округ. Не получая ответа, люди толпами собирались у сельсоветов и райисполкома с требованием открыть церкви.

В ряде случаев церкви открывали.

Таким образом, создавался заколдованный круг. Справиться с ситуацией, возможно, могли бы квалифицированные специалисты. Но их-то как раз и не хватало. Ответственный секретарь Сухиничского окружного комитета ВКП(б) П. А. Овчинников отмечал низкий уровень руководителей районов, неспособных к эффективной работе по реализации политики партии. Нередко они сами были инициаторами всяческих нарушений [3, л. 11].

Эти низовые руководители по большей части не имели ни образования, ни опыта работы с людьми. Понимая, чем им грозит невыполнение приказа, они готовы были на все, чтобы получить высокие цифры для отчета.

Закрытие церквей, превращение их в зернохранилища и, как следствие — «бабьи бунты» с участием сотен крестьян; раскулачивания и аресты церковных старост, псаломщиков и просто религиозных людей; разнообразные преследования священников вплоть до обвинения их в контрреволюционной

деятельности — обо всем этом свидетельствуют архивные материалы Сухиничского, Боровского, Рязанского, Брянского округов, да и многих других регионов.

Свидетельства подобного произвола по отношению к священнослужителям приводит в своей публикации и В. Овчинников. В частности, он пишет о священнике из боровского села Белкино И. В. Жукове, который, как следует из материалов его следственного дела, отговаривал крестьян от вступления в колхоз, опасаясь, что он будет сродни барщине. Люди верили батюшке и пытались защитить его от ареста, но им это не удалось. Летом 1930 года Жуков был приговорен к трем годам лишения свободы; а в 1937 году арестован повторно и расстрелян [15].

Не следует, конечно, думать, что такое положение было характерно только для Сухиничского округа. Это лишь малая часть документов, показывающих, в каких сложнейших условиях проводилась на местах политика коллективизации. Те, кто ее реализовывал, не сомневались в правильности принятых решений. Но им пришлось столкнуться с вековыми устоями крестьянской жизни, покушение на которые вызывало массовый протест. Уверенность в своей правоте крестьяне, опять-таки как это было принято от века, черпали в религии. Понятно, что Церковь, которую советская власть и партия большевиков считала одним из самых одиозных символов старого мира, подвергалась репрессиям в первую очередь. Это, с одной стороны, лишало крестьян опоры в их борьбе против коллективизации, а с другой — вело к новым волнам протеста. Дело осложнялось тем, что люди, проводившие коллективизацию на местах, большей частью не были готовы к этой работе. Они действовали путем произвола, не вникая в тонкости крестьянской жизни, а при обострении ситуации просто отступали, отказываясь от завоеванных позиций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Батченко В. С. Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929–1931 гг. (на материалах Западной области). Дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. Смоленск, 2015.
2. ГАРФ. Ф. 5263. Постоянная комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАДНИКО. Ф. П. 91. Сухиничский окружной комитет ВКП (б). Оп. 1. Д. 5.
4. ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 68.
5. ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 74.
6. ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 4. Д. 2.
7. ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАКО. Ф. Р. — 1183. Прокурор Сухиничского округа Западной области (г. Сухиничи Западной области). Оп. 1. Д. 18.
9. ГАНИСО. Ф. Р. 5. Западный областной комитет ВКП (б). Оп. 1. Д. 77.
10. О проверке практики коллективизации и исправления перегибов в Сухиничском округе Западной области // Сельский мир: Альманах / Под ред. И. А. Шипова, А. Б. Жильцова. — М., 1994. — 186 с.
11. Иевлева О. И. Особенности коллективизации сельского хозяйства в Сухиничском округе Западной области в 1930 году // История: факты и символы. 2016. № 6 (1). С. 70–83.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983–1990. Т. 5.
13. Курбацкий А. Н. Очерки истории церквей города Калуги. М., 2020.
14. Никитина Н. Н., Петрова И. П. Антирелигиозная политика советской власти в период коллективизации и раскулачивания (на примере Западной области) // Богословско-исторический сборник Калужской духовной семинарии. № 7. Калуга, 2015. С. 89–96.
15. Овчинников В. По ком звонят боровские колокола. Расправа с духовенством / <http://www.borovsk-repression.ru/?article=1&id=11> 01.08.2024.

16. *Панфилов Гордев В.* Коллективизация в с. Кулики, или что произошло в четверг // Проза.ру. Коллективизация в с. Кулики или что произошло в четверг (Виктор Панфилов Гордев) / Проза.ру (proza.ru) 01.08.2024.

17. Рязанская деревня 1929–1930 гг. Хроника головокружения: документы и материалы. М., 1998.

18. *Солопов А.* Кого считали кулаком в 1924–1925 годах? // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. Под ред. В. В. Журавлева. М, 1991.

19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. М., 2000–2003. Т. 2.: ноябрь 1929 — декабрь 1930.